

ЯН САТУНОВСКИЙ

попытка биографии

Яков Абрамович Сатуновский¹ родился 23 (10) февраля 1913 г. в Екатеринославе (Днепропетровске) и был старшим сыном в семье Аврама Фриделевича Сатуновского. «...Это была европеизированная семья городских ассимилированных евреев, типичная для Екатеринослава в начале XX века. Никто не говорил на идише, а тем более, на иврите, <...> родной язык был всегда русский с примесью украинских неологизмов» (ПС 2004).

По словам Л. Сатуновского (ЛС 2000), фамилия его семьи (первоначально – Сатановские — изменена в 1903 г.) берет начало от имени города Сатанова. Аврам Сатуновский имел диплом дантиста, позволявший ему и его семье жить вне черты еврейской оседлости, владел небольшой аптекой. Мать Сатуновских — Иоганна Якововна (урожденная Кордовер) — была родом из Прибалтики. Отец Якова не чурался творчества. Сохранились стихи Аврама Фриделевича на украинском языке, 50-страничный рассказ «Полывяный глечик», а также «наивные» (примитивистские) рисунки.

В семье, кроме Якова были сестра Рая (1916 г. р.) — умерла в возрасте восьми лет от скарлатины и брат Петр (1919 г. р.), впоследствии — известный кинооператор.

Семья не была религиозной. Мать была атеисткой, сам Аврам Фриделевич «говорят, многие годы, особенно до революции, соблюдал традиции, ходил в синагогу, но в 1925 году, когда от скарлатины умерла моя сестричка, сказал:

— Если Бог меня не услышал, когда я так просил его, значит его нет». (ПС 2003)

О детстве Я. Сатуновского известно немного, но в общих чертах его нетрудно представить. Это было обычное детство в «типичном екатеринославском <...> плебейском дворе» (ПС 2004). П. Сатуновский вспоминает, что стихи его брат писал с детства, «хорошо рисовал, особенно маленьких человечков и карикатуры. В огромном <...> ящике письменного стола он хранил свою самодельную «библиотечку» — от руки переписывал стихи любимых поэтов, даже делал иллюстрации. Особенно любил Маяковского, Асеева, Хлебникова. «Облако в штанах», «Левый марш», «Флейта-позвоночник», маленькие, в четверть листочка школьной тетради, красиво оформленные братом книжечки я, третьеклассник, тайком рассматривал с любопытством и восхищением. В доме был культ книги, вернее — у половины его обитателей. Мама и Яша постоянно что-то читали» (ПС 2004).

Я. Сатуновский заканчивает «семилетку» 2-й екатеринославской трудшколы по улице Пушкинской, после чего — в конце двадцатых годов уехал в Москву, учился в «Комбинате по подготовке инженеров, техников и десятников строительных работ»

¹ Имя «Ян» — псевдоним, Абрамович — результат «русификации» имен советской бюрократией.

на факультете отопления и вентиляции (МК 1987). Этот период его биографии — самый «темный».

У нас не сохранилось достоверных и сколько-нибудь полных сведений о литературных контактах Я. Сатуновского в литературных группировках конца 20-х, начала 30-х годов. О знакомстве (участии?) с Литературным Центром Конструктивистов, основанном Ильей Сельвинским в 1923 г., мы знаем только из стихов:

Помню ЛЦК — литературный центр конструктивистов.
Констромол — конструктивистский молодняк.
Помню стих: «в походной сумке Тихонов, Сельвинский,
Пастернак» <...>. (ЯС 1994)

Л. Сатуновский сообщает, что отец Якова приехал за сыном в Москву и увез в Днепропетровск после того, как узнал о его круте общения. Возможно, «конструктивистский молодняк», который, по-видимому, состоял в основном из маргинальной молодежи, показался отцу неподходящей компанией; возможно, что главной причиной послужило шаткое на тот момент положение ЛЦК (распавшегося, напомним, в 1929—30 гг.) и страх репрессий, которым подвергались неугодные власти литературные группировки.

После московского техникума Я. Сатуновский, согласно собственной «Краткой автобиографии», «работал, поступил в Днепропетровский Госуниверситет, на химический факультет. Окончил, можно сказать, накануне Второй Мировой — в 1938-ом» (ЯС 1994).

В 1931 г. Я. Сатуновский возвращается в Днепропетровск. В 1937-м, как пишет Евгений Лобков, «имело место событие, которое Сатуновский определил как собственную смерть:

Я умер ровно 29 лет тому назад.
Назад —
тому —
лет —
29 —
ровно —
не вернуть.

(1966)

Л. Сатуновский предполагает, что событие, которое осмысляется, как смерть (смерть как потеря свободного бытия) — его женитьба. Так или иначе, 24 февраля 1937 г. Сатуновский женится на своей сокурснице Антонине Степановне Грековой. Е. Лобков продолжает: «После смерти в рубежном 1938 г. пережил Возрождение, ушел в поэзию. Начал профессиональную поэтическую деятельность, когда первый авангард уже добивали, а до второго оставалось прожить два десятилетия. 1938 — первое, профессиональное, непечатаемое «У часового я спросил» (Лобков 2005).

В период учебы в Днепропетровском университете он сотрудничает с вечерней газетой «Звезда», публикуя в ней свои стихи, рассказы, рисунки, ведет сатирическую

рубрику «В шутку и всерьез». Об этом более подробно можно прочитать в работе «Неизвестные страницы творчества Яна Сатуновского» (ЛС 2009).

Эти стихи коренным образом отличаются от того, что мы привыкли видеть в его книгах. Скорее всего, это был просто способ заработка на время учебы, а не «серьезное» творчество. Впоследствии сам Я. Сатуновский так оценит этот период:

Мальчишкой я подхалтуривал
в области политической карикатуры.
Чемберлен. Бриан. Желтый Интернационал.
Бывало, не хуже Ефимова
кромсал их до единого.
Как бог черепаху, уродовал
врагов народа:
Бухарина, Радека, Сокольникова, Пятакова.

Халтурный художник,
поэт халтурный,
я не был бездарный,
Я был бездумный.

4 декабря 1961

Войну Я. Сатуновский встретил командиром взвода связи артиллерийского полка.

Был награжден орденом Красной Звезды и медалями.

После ранения в 1942 г. Я. Сатуновский направляется служить в армейскую газету: «В «Патриоте Родины» оказалась тогда сильная «бригада» литераторов – писатели Марк Пратусевич, Ян Новак <ставшие друзьями Сатуновского — О. Б.>, поэт-переводчик Владимир Бугаевский. И в эту компанию совершенно органично вписался художник и поэт Яков Сатуновский. <...> ...Особой популярностью пользовались на передовой шутки и карикатуры.

«Не знаю, кому первому пришла в голову мысль сделать в газете сатирический отдел, скорее — брату, до войны в Днепропетровске он вел рубрику «В шутку и всерьез». Уже в первые дни боев на Волге в «Патриоте Родины» появился «Фрицемор» <сатирическая рубрика — О. Б.>. Его составители – М. Пратусевич и Я. Сатуновский» – вспоминает П. Сатуновский.

Незамысловатые стихи, рассказы, рисунки били в цель. Сатуновский был известен как фронтовой поэт, он написал, в частности, гимн 97 гвардейской Полтавской дивизии:

Выходите вперед, запевалы,
Песни просят в походе бойцы.
Запоем же, как пели бывало
У Чапаева наши отцы...

(ПС 2006)

В заметке «Немного о себе» Сатуновский описывает войну лишь «географически», цитируя собственные стихи: «В деревне Большие Веснины был ранен (в грудь), затем лечился,

был
в Ной-Лимбурге,
Фрейбурге,
Винер-Нейштадте,
проездом в Дрездене
и, кстати,
где-то в Румынии,
забыл».

Но это далеко не все.

П. Сатуновский рассказывает историю о том, как в 1945-м году в Праге состоялась встреча Я. Сатуновского с Ильей Эренбургом. На встречу с ним братья отправились вместе. «...До сих пор помню все детали рассказа Яна. Эренбург принял его хорошо, доброжелательно слушал его стихи. Не газетные однодневки, а серьезные «настоящие» стихи. Стихи Эренбургу понравились. Они долго говорили, и, прощаясь, он сказал:

— Вам не надо ехать в Россию. Вас там ничего хорошего не ждет. Вы и беспартийный, и еврей. Да еще стихи такие... Печатать вас там не будут.

— Но вас же печатают? — возразил брат.

— Я — другое дело, — ответил Илья Григорьевич, — я уже в таком положении, что не печатать меня они не могут. Так что послушайте меня, старика, езжайте на Запад <...>.

— Нет, я не могу. <...> У меня дома старики родители и две маленькие дочки. <...> Это исключено.

— Ну, как знаете <...>»².

«Он написал рекомендательную записку в Москву, Маршаку. С этой запиской Маршак переправил брата к Шкловскому. Виктор Борисович принял его весьма благосклонно, <...> затем всю жизнь приглашал его к себе, слушал новые стихи брата, подолгу беседовал с ним о жизни и даже написал в «Литературной газете» хвалебную рецензию на его детские книжки...» (ПС 2006). На литературных знакомствах Я. Сатуновского мы остановимся ниже.

Я. Сатуновский закончил войну в звании старшего лейтенанта. «Демобилизовавшись, поселился в подмосковном г. Электросталь и работал инженером-химиком вплоть до выхода на пенсию в 1966 г.» (Кулаков 2000). За эти годы работы Сатуновский получил несколько авторских свидетельств на изобретения в области химии. В браке родились две дочери: Виктория (1941 г. р.) и Елена (1943 г. р.).

Важнейшее событие, определившее творческий путь Я. Сатуновского, стало его знакомство с поэтами круга Е. Кропивницкого: в Лианозово, в квартиру О. Рабина и В. Е. Кропивницкой, где происходили встречи группы, названной впоследствии «Ли-

² Эти воспоминания были опубликованы в израильском альманахе «Алия» родственником Сатуновских Ильей Герчиковым. (Герчиков 2004: 149—150).

анозовской», Я. Сатуновский попадает в 1961 году (Некрасов 1996). Вот как об этой встрече рассказывает Генрих Сапгир: «Наш знакомый поэт-переводчик (особенно Лопе де Вега) Володя Бугаевский привел однажды своего приятеля, такого же усатого, тоже лысоватого, Яна Сатуновского. Тот, увидав желтые совершенно живые баракы Оскара и услышав стихи про их население, которые сочинял Игорь Холин, обрадовался, будто встретил близких родственников. Он сказал: «Зовите меня просто Ян». И стал лианозовцем, хотя пришел к своей манере раньше и сам. Всего ближе она, пожалуй, к Евгению Кропивницкому — у того первые сложившиеся стихи помечены 37-м годом, у Яна, по-моему, 39-м» (Сапгир 1997).

Знакомство с лианозовцами дало Я. Сатуновскому сильнейший творческий толчок: количество стихотворений до 61 года составляет от общего числа лишь пятую часть, по длительности же два творческих периода почти равны: 23 года (начиная с 1938) и 21 год соответственно. Вл. Кулаков справедливо замечает, что как поэт Я. Сатуновский сформировался задолго до Лианозова. В то же время «Лианозовский период усилил, заострил конкретистские тенденции Я. Сатуновского и вплотную подвел уже к чисто концептуалистской проблематике. Теперь для Я. Сатуновского важны не только Маяковский и футуристы, но и акмеисты (особенно Мандельштам), и обэриуты (особенно Хармс и Введенский)» (Кулаков 1999).

П. Сатуновский так говорит о литературных вкусах своего брата: тот переписывал от руки Хлебникова, Маяковского, Заболоцкого, Сельвинского; одним из самых любимых писателей Я. Сатуновского был Гоголь, за сходство с ним он ценил Шукшина.

Рассказывает П. Сатуновский и о том, как показывал стихи брата Сельвинскому: «Ещё до войны, когда я учился в Москве, я получил от него из Днепропетровска подборку стихов. Я пошел с ними к Сельвинскому — тот сидел вальяжный такой в редакции. Стихи прочитал, что-то всё говорил о синкопах, в общем, стихи ему не понравились». Ниже мы остановимся на отношениях Я. Сатуновского с Сельвинским подробнее.

Другое имя, постоянно возникающее рядом с Я. Сатуновским — поэт Георгий Оболдуев. «Большую роль в становлении поэтики С.<атуновского> сыграло тесное общение с еще одним интереснейшим постфутуристическим поэтом — Георгием Оболдуевым, стихи которого уже в нач. 30-х гг. были хорошо известны в лит. Москве» (Кулаков 2000). Вот как комментирует эту связь П. Сатуновский: «Я не знаю, был ли брат лично знаком с Оболдуевым, но после смерти Оболдуева он часто встречался с его женой Благиной по поводу его стихов, которые очень ценил».³

Сапгир высказывался насчет этого знакомства более определенно: «Мой друг Ян Сатуновский был знаком с Егором, княжеская фамилия которого, Оболдуев, звучала необычно для советского уха» (Сапгир 2007). Геннадий Айги в книге «Разговор на расстоянии» пишет: «Георгий Оболдуев, после шести лет лагерей и ссылок (по слухам, он арестовывался несколько раз), жил в поселке Голицыно, в часе езды от столи-

³ В архиве Я. Сатуновского сохранилось письмо Е. А. Благиной к Сатуновскому, приводим его фрагмент: «Милый Яков Абрамович! Как было бы хорошо, если бы Вы написали о Егоре всё, что помните о нем. Пусть это будет кратко, но ёмко, как Вы умеете делать. Я решила поторопиться и всех, кто еще из друзей Егора живет на нашем безумном шарике, попросить *вспомнить* <курсив автора> о Егоре. Вы понимаете, что он этого заслуживает».

цы. «В Москву он приезжал очень редко и, можно сказать, почти что тайно, — рассказывал один литератор, встречавшийся с Оболдуевым — стихов нигде и никогда не читал, помню только один случай, — ночью, на улице, — вдруг, среди разговора, неожиданно зажегся и прочел». В примечаниях к этой главе «Судьба подпольной поэзии Георгия Оболдуева» читаем: «Литератор, встречавшийся с Оболдуевым, — Я. П. Сатуновский» (Айги 2001). Ошибка в отчестве здесь — явная опечатка. В послесловии к немецкому изданию Я. Сатуновского тот же Г. Айги вспоминает, что Я. Сатуновский познакомился с Оболдуевым уже после войны. «Он очень гордился этой дружбой. И гордился тем, что его ценил поэт, которого он считал очень значительным явлением в русской литературе» (ЯС 1994).

«Заочное» знакомство с Ильей Сельвинским перешло потом в личное общение. О нем можно судить из текста сохранившихся в архиве Я. Сатуновского открыток и письма (хотя писем могло быть и несколько) Сельвинского к Я. Сатуновскому: «Меня глубоко тронуло Ваше письмо из Кастрополя: оно пахло на меня моей юностью. То, что море напомнило Вам мои ранние стихи — это для меня великое счастье, тем более, что и читали-то Вы их в Вашей юности... Спасибо Вам большое за то, что Вы написали мне об этом <...>» (из письма от 22 мая 1961 года). Я. Сатуновский подарил Сельвинскому одну из своих детских поэтических книг, за что последний благодарил его в открытке (предположительно 1967 или 1968 года): «Дорогой Яков Абрамович! Большое спасибо за книжку. Читать ее необычайно весело. Удивительно изобретательные стишата! Маленький Кирилл шлет привет маленькому Илюшику <внук Я. Сатуновского⁴ — О. Б.>, а я ему и Вам. Ваш И. Сельв». Очевидно также, что Я. Сатуновский предлагал Сельвинскому оценить его стихи еще раз после того, как их показывал П. Сатуновский. Однако отклика в лидере конструктивистов стихи не нашли. В открытке от 15 мая 1966 г. читаем: «Дорогой тов. Сатуновский! Спасибо, что не забываете. Особенно приятно, что письмо ваше из Крыма, где мне больше никогда не бывать... Стихи ваши производят странное впечатление. В них несомненно поэтическое чувство, но они очень слабы в смысле единства содержания. Мне кажется, будто в них — разорванность <? — нрзб.> сознания. Что касается отношения Шкловского к Маршаку, я с ним согласен: Маршак прекрасный стихотворец, но поэзии в нем никогда не было. Жму руку. Ваш Илья Сельв».

Знакомство Я. Сатуновского с Маршаком было, скорее всего, поверхностным и непродолжительным. Копия рекомендательной записки, адресатом которой может быть в том числе и Виктор Шкловский, сохранилась в архиве Я. Сатуновского: «Я знаком с творчеством поэта-фронтовика, Якова Абрамовича Сатуновского и считаю, что талант его — лирический и сатирический — может очень пригодиться и в печати и на эстраде. С. Маршак. 31/VI 1946 г.»

Шкловский тепло относился к Я. Сатуновскому. Например в статье, посвященной детскому чтению, он писал: «Я. А. Сатуновский издал в «Детской литературе» в 1967 году маленькую книжку «Раз-два-три». Эти считалки — изобретение. Счет ведется на разных языках. Книжка очень хорошая, такая хорошая, что ее нельзя найти. Ее зачитали» (Шкловский 1969)⁵.

⁴ Любимый внук Я. Сатуновского — Илья, был назван в честь писателя Ильи Ильфа (Файнзильберга).

Общение со Шкловским было, судя по всему, более тесным и разнообразным, чем с Сельвинским. В архиве Я. Сатуновского находим записку Шкловского: «Яков Абрамович. Когда будет скучно, приходите. Виктор Шкловский». 9 сентября 1959 г.». В другом письме Шкловский извиняется за то, что лишь вскользь упомянул о книге Я. Сатуновского в той самой статье: «Дорогой друг. Я перед Вами виноват: обещал написать статью, а только упомянул. Ваша статья «Странный мир считалок» хорошая статья. В моей статье до редакторской стрижки о Вас было больше» <...>.

В. Шкловский рекомендует Я. Сатуновского Михаилу Светлову. Он пишет: «Дорогой Миша <...>. Очень хочу познакомить Вас с одним не молодым поэтом Яковом Абрамовичем Сатуновским. Мне кажется, что он талантлив. Он очень хорошо любит поэзию и Вас в частности <...>».

В. Шкловский и Я. Сатуновский написали совместную статью о неудачливом изобретателе второй половины XIX в. Павле Зарубине. «П. А. Зарубин был сыном гениального народа, человеком необыкновенных способностей, необыкновенного трудолюбия и одновременно человеком, не встретившим признания. Царская Россия, глушившая народные таланты, не оказала помощи изобретателю» (*Сатуновский, Шкловский 1951*)⁶. Кажется, что в этот неизбежно казенный пафос вложено и личное переживание Я. Сатуновского о своей безвестности, поэтическом «небытии» в условиях не «царской», а советской России.

Отношение Я. Сатуновского к Шкловскому, впрочем, было неоднозначным. Он, как видно из неопубликованного стихотворения, возможно, считал его внимание и доброжелательное отношение если не насмешкой, то некой игрой:

Так что им надо, этим наркоманам?
Они меня считают
чуть не графоманом,
а Виктор Шкловский...
Подожди!
Он, может быть, из вежливости!
И он, скорей всего, шутил!
Ведь он — остряк известный!
(архив Я. Сатуновского)

⁵ «Детские» стихи ЯС и правда заслуживают внимания и в контексте его «взрослой» поэзии. Второе стихотворение упомянутой Шкловским книги считалок «Раз-два-три» может быть прочитано с внесением политического подтекста:

ПО-РУССКИ
Раз, два,
Моск-ва.
Три, четыре,
Мы в Сибири.
Раз, два, три, четыре, пять,
Вылезай
В Москве опять.
(ЯС 1967)

⁶ Напомним, что Я. Сатуновский и сам был «сертифицированным» изобретателем в области химии.

Я. Сатуновский был заочно знаком с Сергеем Павлович Бобровым, входившем в группы «Лирика» и «Центрифуга», писал ему и получил ответ. В их переписке в апреле 1968 г. речь шла о повести Боброва «Мальчик». Бобров довольно откровенно рассказывает своему адресату о сложностях, связанных с цензурой. Из письма также явствует, что Я. Сатуновский следил и за переводческой деятельностью Бобровых: «Спасибо за комплимент в адрес жены <М. П. Богословской-Бобровой — О. Б.> — ею заслуженный вполне, ибо работа над Фолкнером (она с ним мучилась целый год) — поистине настоящий подвиг».

Интерес к творчеству Корнея Чуковского стал темой переписки с Лидией Корнеевной Чуковской, позднее — с внучкой писателя Еленой Цезаревной Чуковской.

В первом известном нам письме Л. К. Чуковской к Я. Сатуновскому от 29 октября 1970 г. она одобрительно отзывается о его заметке «„Первоначало“ Чуковского» (ЯС 1970): «Многоуважаемый Яков Абрамович. Спасибо за подарок. Ваша заметка увлекает точностью, отсутствием общих слов. Мне она по душе <...>». Из-за плохого зрения Лидия Корнеевна дальнейшую переписку с Я. Сатуновским перепоручает Е. Ц. Чуковской. Письмо последней говорит о том, что Я. Сатуновский интересовался Чуковским глубоко: в 1971 году он спрашивает о возможности поработать с его архивом. Кроме указанной заметки Я. Сатуновский упоминает Чуковского в нескольких других работах («Чуковский, Леонид Андреев, Блок», «Сходство-несходство» — *неопubl.*, «Рифма-нерифма в детской поэзии» (ЯС 1971)).

Историю небольшого стиховедческого открытия Я. Сатуновского приводит Валентин Берестов (1928—1998) в журнале «Детская литература» во вступительном слове к публикации «расширенной» версии заметки — статьи под названием «Корнеева строфа»: «Впервые свое литературоведческое открытие Сатуновский опубликовал в нашем журнале (№ 10, 1970). Он нашел в сатирических стихах 1906 года первую «Корнееву строфу»! Со свойственным ему лаконизмом Сатуновский ухитрился изложить свое открытие на третьей странице обложки⁷. Он вообще был открывателем и в своих необыкновенных емких лирико-философских и сатирических стихах, и в столь же лаконичных стихах для детей. Для сборника памяти Чуковского мы с Е. Ц. Чуковской уговорили Яна Абрамовича «развернуть» свое исследование. Открытие его было очень плодотворным не только для начинавшегося «Чуковедения», но и для поэзии: не сомневаюсь, кого-нибудь еще вдохновит открытый Чуковским вид поэтической строфы, где классический рифмованный стих, иногда, правда, похожий на народный раешник, завершается нерифмованной, чаще всего какой-то былинной, с дактилическим окончанием строкой. Но вот Лидия Корнеевна написала письмо в защиту академика Сахарова, и цензура потребовала отовсюду изъять ее имя. Авторы статей, где упоминалось имя мятежной дочери классика, вместо этого имени сняли свои статьи. В их числе оказался и Ян Сатуновский, сославшийся в сноске на Лидию Корнеевну. Заодно «полетели» статьи и воспоминания, где крамольного имени не было» (ЯС 1995).

⁷ Заметка «„Первоначало“ Чуковского» действительно опубликована на внутренней стороне задней части обложки журнала, не обозначена в содержании и не указана в списке материалов «Детской литературы» за 1970 г.

В связи с запретом имени Л. К. Чуковской Е. Ц. Чуковская пишет (письмо от 19 апреля 1974 г.): «Упоминание имени ЛК у вас носит случайный характер (примечание), не связано с изложением основных идей Вашей статьи и поэтому могло бы быть устранено без ущерба для статьи. Статью я считаю наиболее новаторской и интересной в сборнике. Вместе с тем я вполне разделяю Ваши чувства, которые продиктовали Вам Ваш ответ и в ближайшее дни подам заявление о выходе из числа составителей сборника. Думаю, что, взяв статью из Детлита, следовало бы злополучное примечание снять и предложить статью в какое-нибудь (?) другое место <...>». Свое место в той же «Детской литературе» статья нашла спустя 13 лет после смерти автора.

Заметим, что внимание к Чуковскому и постоянное возвращение к фольклорным источникам его просодии (те же черты интересуют Я. Сатуновского и в «Двенадцати» Блока) имеют, конечно, прямое отношение как к его собственному «детскому» творчеству, так и к поэтике «взрослых» стихов.

За свою жизнь Я. Сатуновский опубликовал более десятка детских книг (сборники стихов, считалок, описание подвижных игр и др.); Е. Лобков и И. Герчиков указывают, что их было четырнадцать (Лобков 2005), (Герчиков 2004). Обращение к детской поэзии — характерная черта как для многих деятелей «неофициальной культуры» 50—80-х годов (в т. ч. соратников ЯС по Лианозово: в первую очередь, Г. Сапгира; «детские» стихи писал и Вс. Н. Некрасов), так и для представителей русского авангарда первой половины XX в.: Д. Хармса, отчасти — Маяковского. С детским творчеством связана любопытная деталь: Софья Губайдуллина положила на музыку пять стихотворений для детей Я. Сатуновского. Песни «Кукушка», «Жил да был», «Как курлычут журавли» и «Песенка-считалка» в исполнении семилетней Лены Ступаковой (партия фортепьяно — Ольга Ступакова) прозвучали в радиопередаче «Для маленьких» 25 марта 1976 г.⁸

Страх за себя и своих близких, боязнь репрессий боролись с желанием опубликовать «настоящие», а не «детские» стихи. 10 февраля 1955 г. И. Эренбург в письме к Я. Сатуновскому пишет: «Ваши стихи я прочитал, мне больше понравились военные, но их, по понятным Вам причинам, сейчас печатать не будут. Стихи «Дома», «В избе читальне», «Сынок» показались мне слабее. Что касается опубликования Ваших стихов в журнале «В защиту мира»⁹, то это, к сожалению, невозможно — журнал вообще редко печатает стихи, а если и печатает, то только западных авторов. Советская редакция, по разным соображениям — трудности перевода, нежелание занимать слишком большое место в журнале и т. д. — стихов не посылает».

П. Сатуновский описывает еще одну историю не-публикации: встретившись в 1978 с Оскаром Рабиным в Париже, П. Сатуновский передал ему личную просьбу от брата приостановить работу над готовящимся к выходу сборником стихов Сатуновского: «он боялся; боялся провокаций, погрома, боялся за своих взрослых доче-

⁸ В списке сочинений Губайдуллиной на сайте французского Института музыки и акустических исследований IRCAM значится еще пятая песня на стихи Сатуновского: «A Fairy-tale Creature» (см.: <http://brahms.ircam.fr/index.php?id=8846>), о которой нам ничего не известно. Запись передачи есть здесь: <http://imwerden.de/cat/modules.php/pdf/modules.php?name=books&pa=showbook&pid=1220>

⁹ «В защиту мира» — единственный международный французский журнал, распространявшийся тогда в СССР.

рей. Оскар расстроился, но выполнил просьбу Яна, и книжка в Париже не была издана. Ну а брат немного успокоился» (ПС 2004).

Однако некоторые стихи Я. Сатуновского все же появлялись в зарубежной печати: первым «тамиздатом» для него стал парижский альманах «Аполлон», изданный М. Шемякиным в 1977 г. (Сост. К. К. Кузьминский и М. Шемякин. 386 с. С. 72—73) и «Антология русской поэзии XIX—XX веков» (Белград, 1977, с. 365—373). В 1980 г. подборка Сатуновского попала в первый том «У Голубой лагуны» (Антология новейшей русской поэзии «у Голубой лагуны» в 5 т. / Константин К. Кузьминский и Григорий Л. Ковалев. Т. 1. — Ньютонвилл, Мэсс., 1980. — 600 с. С. 325—327).

Перечислять «литературные знакомства» Я. Сатуновского можно еще довольно долго. Укажем еще лишь на взаимную симпатию с Геннадием Айги и «знаковое» для поэта, который называет Хлебникова своим учителем, посещение Алексея Крученых (вместе с В. Глоцером). Об этом событии Я. Сатуновский оставил небольшую запись и написал стихотворение:

ПОСЕЩЕНИЕ А. Е. КРУЧЁНЫХ

Мы с тобой на кухне посидим...

Ос. М.

Беленький, серенький Дырбулцил:

— К Троцкому я не ходил,
к Сталину не ходил,
другие кадили...

Слабость, и задышка,
и рука-ледышка.

Товарищ гражданин,
присядем, посидим.

А потом из ручки Глоцера
разборчиво:

Поэту Я. А. Сатуновскому

АКр--

16/XI

1967 г.

Москва

1 сент. 68

Г. Айги рассказывает предысторию их встречи: «Алексей Крученых терпеть не мог современных поэтов, точнее – почти никого из них для него не существовало. Однажды Сатуновский позвонил незнакомому ему Крученых, и ничего не объясняя, начал читать свои стихи. Крученых молча слушал. В какой-то момент Яков Абрамович остановился. «Дальше, читайте дальше», — потребовал Крученых. Когда чтение прекратилось, Крученых сказал: «Где вы находитесь? Мой адрес знаете? Сейчас же при-

езжайте». Пожалуй, это был один из уникальных случаев, когда Крученых признал поэта как своего, идущего от линии Маяковского, Каменского, Хлебникова» (*Айги* 1994).

Умер Я. Сатуновский 12 августа 1982 г., по словам П. Сатуновского, «как и жил — по-советски». В Московском клиническом институте им. Владимирского ему удачно провели операцию по удалению аденомы простаты, «но при этом внесли с кровью инфекцию и «болезнь Боткина» свела его в могилу за один день». (*ПС* 2004).

Каким человеком был Сатуновский? «Типичным интеллигентом. Неброской внешности («...такой вообще дядька из Электростали», Г. Сапгир). Большой лоб мудреца, добрые, внимательно следящие за собеседником глаза. Неизменные усы и просматриваемая через них добрая улыбка. Умение слушать и не повышать тона в споре. ...Из Москвы к семье в Электросталь уезжал с неизменной «авоськой», набитой продуктами и подарками любимому внуку Илюше» (*Герчиков* 2004). Внимательный взгляд отмечает в воспоминаниях и сослуживец Я. Сатуновского И. Гарцман: «Глаза у него были черней черного и такой глубины, которая вопреки известной философской хохме, всегда вызывала мысль о пропасти и никогда о мосте над ней. Както в разговоре я почувствовал, что он всматривается сквозь меня, как через запотевшее стекло, и невольно оглянулся, кто там сзади. Никого. С такой радиацией я уже был знаком по ленинградским тусовкам непризнанных гениев» (*Гарцман* 2007). Человек, словами Вл. Кулакова, «южной, малороссийской мягкости», он мог быть резок тогда, когда это касалось темы личной свободы: Гарцман приводит случай, когда его похвала одному из детских стихотворений вызвала у Сатуновского негативную реакцию — выхватывает ручку, зачеркивает текст в книге и вписывает свой, забракованный в редакции, вариант.

Многие, если не большинство, стихов Я. Сатуновского теснейшим образом связаны с советской реальностью. Обоснованный страх перед режимом сочетался с «протестом «естественного» человека, поставленного в нечеловеческие условия. Сопротивление тотальному насилию — это и есть гражданская позиция Сатуновского» (*Кулаков* 1999).

Я. Сатуновский прожил длинную жизнь, которая была и типичной, и нетипичной одновременно. Естественным (историческим) ее рубежом послужила Великая отечественная война. Он застал самый конец советского авангарда 20-х годов (и действительно по возрасту принадлежал к конструктивистскому «молодняку» — ему было всего 16 лет, когда ЛЦК перестал существовать), в 40-х годах — общался с Оболдуевым, деятельность которого до сих пор остается одним из малоизученных мест в истории русской литературы XX века. Как пишет сам Я. Сатуновский, «...я свое первое стихотворение (которое «считается») написал только в возрасте двадцати пяти лет» <в 1938 году — О. Б.> (*ЯС* 1992).

После войны жизнь Я. Сатуновского можно представить как две непересекающиеся плоскости: бытовую (жизнь подчеркнута «негероическую», заурядную) и творческую, составленную из моментов счастья («Почти тысячу раз я чувствовал себя счастливым — когда мне случалось написать стихотворение» (*там же*)). Такое

разделение характерно для всех представителей андерграунда, оно и привело к их быстрому сплочению.

Но даже внутри лианозовского кружка Я. Сатуновский оставался «одиноким» — возможно, отчасти это было связано с возрастом. «Зовите меня старик Ян», — говорил нам, более молодым, Яков Абрамович Сатуновский — вспоминает Сапгир (*Сапгир 2007*)¹⁰. Но Я. Сатуновский был старше Холина только на 7 лет, Сапгира — на 11, а вот разница в возрасте с Кропивницким и Некрасовым была одинаковой и противоположной: младше на 20 и старше на 21 год соответственно. Так что возрастной разброс был достаточно велик в обе стороны, но Я. Сатуновский пришел в Лианозово позже и Сапгира, и Холина (для которых Е. Кропивницкий, по словам Некрасова, был в буквальном смысле учителем), на два года позже Некрасова, пришел, как отмечалось выше, сложившимся поэтом. И тем не менее, это «самостояние» он компенсирует ощущением внутренней связи как с настоящим, и с будущим, так и с тем прошлым, которого он уже почти не застал в сознательном возрасте: Серебряным веком, живым свидетелем которого был в глазах «младших» лианозовцев Евгений Кропивницкий, ровесник Маяковского.

Одиночество и некая самоизолированность Я. Сатуновского связаны, конечно, и с еврейством как еще одним «фактором риска» в советской действительности. Антисемитизм — сквозная тема его лирики, в которой можно проследить периоды притяжения-отталкивания от своего происхождения. Ср.:

Кончается наша нация.
Доела дискриминация.
Все Хаимы
стали Ефимами,
а Срулики —
Серафимами.
Не слышно и полудегального
галдения
синагогального.
Нет Маркиша.
Нет Михоэlsa.
И мне что-то нездоровится.
8 марта 1962

* * *

Дома-не-дома,
сонные щебеты сена-соломы,
как я хотел раствориться в России,
не растворила...
7 июня 1977

¹⁰ Справедливости ради, отметим, что в другом месте Сапгир приводит слова Сатуновского иначе: «Зовите меня просто Ян» (*Сапгир 1997*)

О многих названных чертах личности Я. Сатуновского можно говорить и в непосредственной связи с его стихами, вобравшими разнообразный человеческий и культурный опыт.

Материалы, использованные при написании данной статьи:

Личные архивы семьи Сатуновских

ЯС 1970 — Сатуновский Я. А. «Первоначало» Чуковского. Журнал Детская литература № 10 1970 г. 3 стр. обложки

ЯС 1971 — Сатуновский Я. А. «Рифма-нерифма» в детской поэзии // Детская литература № 2, 1971, стр. 24—25

ЯС 1994 — Рубленая проза, München, 1994:

<http://imwerden.de/cat/modules.php?name=books&pa=showbook&pid=1285>

ЯС 1992 — Сатуновский Я. А. Хочу ли я посмертной славы... [Избранные стихи]. Сост. И. Ахметьев, П. Сатуновский. М.: Библиотека альманаха «Весы», 1992:

<http://www.vavilon.ru/texts/satunovsky1.html>

ЯС 1995 — Сатуновский Я. А. Корнеева строфа. Вступительное слово В. Берестова // Детская литература № 1—2, 1995. 97 с. С. 19—25:

<http://www.chukfamily.ru/Kornei/Biblio/satunovskiy.htm>

Кулаков 1999 — Кулаков В. Г. Поэзия как факт. М.: Новое литературное обозрение, 1999. 400 с. Цит. По:

<http://aptechka.agava.ru/statyi/knigi/lianozovo1.html>

и <http://aptechka.agava.ru/statyi/knigi/satun1.html>

Кулаков 2000 — Кулаков В. Г. Ян Сатуновский // Русские писатели 20 века. Биографический словарь. М.: Научное издательство «Большая российская энциклопедия», «Рандеву АМ», 2000. 808 с. С. 617—618.

Лобков 2005 — Лобков Е. Инженер из Электростали // Зеркало № 25, 2005:

<http://magazines.russ.ru/zerkalo/2005/25/lo9.html>

Некрасов 1996 — Журавлева А. И., Некрасов Вс. Н. Пакет. М.: Меридиан, 1996. 630 с.

Герчиков 2004 — Герчиков И. Ян Сатуновский — известный и неизвестный. // Алия: литературно-публицистический альманах. Израиль, 2004. С. 147—162.

Сапгир 1997 — Сапгир Г. В. Лианозово и другие (группы и кружки конца 50-х) // Арион, № 3, 1997. С. 81—87:

<http://magazines.russ.ru/arion/1997/3/sabgir.html>

Сапгир 2007 — Сапгир Г. В. Сапгир об авторах и группах. Версия от 5.10.2007 // Неофициальная поэзия. Антология:

<http://rvb.ru/np/publication/sapgir1.htm#4>
и <http://rvb.ru/np/publication/sapgir2.htm#28>

Айги 1994 — Айги Г. «Летопись всей нашей жизни». О поэзии Яна Сатуновского // Сатуновский Я. Рубленая проза: Собрание стихотворений. Составление, подготовка текстов и предисловие Вольфганга Казака, послесловие Геннадия Айги. Мюнхен—М.—Минск: Verlag Otto Sanger in Kommission, 1994. 328 с.

Айги 2001 — Айги Г. Н. Разговор на расстоянии. СПб.: Лимбус Пресс, 2001. — 304 с. С. 180—184.

Айзенберг 2005 — Айзенберг М. Н. Оправданное присутствие: сборник статей. М.: Baltrus; Новое издательство, 2005. 212 с.

Шкловский 1969 — Шкловский В. Первые страницы большого мира. // Литературная газета, № 49, 1969. С. 4.

Сатуновский, Шкловский 1951 — Сатуновский Я. А., Шкловский В. Изобретатель Павел Зарубин // Техника — молодежи, № 3, 1951. С. 35—36.

Гарцман 2007 — Гарцман И. Человек во времени: три страницы о Яне Сатуновском. // Воздух: журнал поэзии. № 2, 2007. С. 152—154. Публ. Б. Кочейшвили:
<http://www.litkarta.ru/projects/vozdukh/issues/2007-2/satunovsky/>

ПС 2003 — Сатуновский П. А. Отец, 2003, 20 с. (архивный материал)

ПС 2004 — Сатуновский П. А. Посмертная слава (интернет-издание):
<http://imwerden.de/cat/modules.php?name=books&pa=showbook&pid=1857>

ПС 2006 — Сатуновский П. А. Гвардии рядовой, М., Кинофорум, 2006. 192 с.

ЛС 2000 — Сатуновский Л. А. Сатуновские 100 лет (ред. 2008). 40 с. (архивный материал).

ЛС 2009 — Неизвестные страницы творчества Яна Сатуновского:
<http://imwerden.de/cat/modules.php?name=books&pa=showbook&pid=1870>

МК 1987 — С. Бычков. Литературная судьба. Газета «Московский Комсомолец» № 39 (14809) от 15.02.1987 г.

Автор глубоко признателен Ивану Алексеевичу Ахметьеву за содействие и возможность познакомиться с архивными материалами; Леониду Александровичу Сатуновскому — за огромную помощь в создании работы. Текст приводится в редакции Л. Сатуновского.